

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПЬЕСЫ И. СУРГУЧЕВА «РЕКИ ВАВИЛОНСКИЕ»

К. А. Бабрович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, babr-kryscina@tut.by*

Установлено, что мотивы *бега*, *вины* и *ответственности* являются ключевыми в мотивной структуре пьесы И. Сургучева «Реки вавилонские». Они непосредственно связаны с позицией героев и трактуются автором в религиозном, нравственном, философском аспектах. Данные трактовки свидетельствуют о попытках автора разобраться в причинах и механизмах революции и последующей эмиграции.

Ключевые слова: И. Сургучев; эмиграция; мотив бега; мотив вины; мотив ответственности.

Одной из ведущих тем русской драматургии первой волны эмиграции была судьба русских беженцев, их дальнейшая жизнь на чужбине. Данная тема представлена и в творчестве И. Сургучева пьесой «Реки вавилонские» (1922 г.), в которой показаны эмигранты, находящиеся в лагере недалеко от Константинополя.

Пьеса изучена недостаточно глубоко, так как исследователи лишь частично рассматривали ее художественную значимость (Д. Д. Николаев, А. А. Фокин, Л. И. Демина, С. Я. Гончарова-Грабовская). Цель нашей работы – выявить мотивную структуру, функции и роли мотивов в концептосфере пьесы.

В названии пьесы («Реки вавилонские») задана установка на восприятие судьбы русских эмигрантов в библейском аспекте. И. Сургучев сам пережил трагедию утраты Дома, видел все «изнутри», поэтому обращается к Библии как к источнику мудрости и веры, надеясь получить ответы на вопросы, которые ставит перед человечеством история. Герои пьесы сравниваются с грешниками, изгнанными из рая: «...мы слишком много знаем теперь... Вот когда человечество воистину, по-настоящему, съело плод с древа познания добра и зла, и вот теперь по-настоящему, воистину, Бог выгнал его из рая» [1, с. 266]. Кроме этого, проходит сравнение героев и со строителями знаменитой Вавилонской башни, после крушения которой «...Бог и смешал языки наши...» [1, с. 256]. «Тут, батюшка, не до стилей теперь. Все стили смешались», – говорит Камер-юнкер уже о нынешней ситуации, в которой представители разных классов оказались в одном бараке [1, с. 257]. Так автор проводит параллель между эмигрантами и героями мифа. Кроме этого, он показывает, что люди были лишены

того, что объединяет их, — лишены взаимопонимания. И как вавилонские строители были вынуждены разойтись в разные стороны после своего революционного порыва против Бога, так и русские оказались в эмиграции в результате революции, потеряв связь со своими соотечественниками.

Так мотив *бега* оказывается ведущим, играющим главную роль в судьбе эмигрантов, покинувших Родину. Бег приводит их к чужим берегам, определяя их быт и бытие. Замкнутое пространство барака заставляет задуматься над тем, что толкнуло их на изгнание, правильно ли они поступили по отношению к родине, к близким, что делать дальше. Оценка своего состояния и поступка (бега) движет сюжет, выстроенный на дискуссии, раскрывающей поиск истины. В «Реках вавилонских» мы слышим преимущественно «хор» голосов героев-эмигрантов, ощущающих свою вину перед Родиной и ответственность за ее прошлое и будущее. Для автора важнее то, что чувствуют люди, потерявшие Родину, их мысли и переживания.

Название для пьесы И. Сургучев взял из Псалма 136. Именно к этому тексту обращается в своей речи к Англичанину и Художник. В свое время русские настолько поразили иностранцев своим искусством, что «всей Европе было не по себе» [1, с. 274]. Но это было раньше. Теперь же они не станут петь для иностранцев свои национальные песни. Художник говорит: «И теперь вы просите, чтобы мы спели вам наши национальные песни? Не споем. Знаете? Как евреи на реках вавилонских? Они развесили на вербах замолкшие лютни свои и отвечали: “Како воспоим песнь господню на земле чужой?” Нет, гордый бритт, ...петь наши национальные песни мы теперь не будем... мы подождем...» [1, с. 274].

Так, на основе цитаты из Псалма 136 проявляется одна из ведущих тем в пьесе — судьба России и ее бывших граждан. Как древние иудеи отступились от Бога и за это были изгнаны из своей земли, так наказаны и жители России, ведь тоже прогневили Бога. Реки вавилонские здесь становятся символом изгнания, исхода людей из родных мест. Герои бежали из пылающей огнем страны и оказались на чужбине, где по-настоящему не могут радоваться, петь свои песни.

Еще одним проявлением мотива *бега* в структуре пьесы является неумолимый бег самой жизни. Она не остановилась после революции, движение времени не прекратилось. Все так же сменяют друг друга недели и месяцы. И это не позволяет людям остановиться, они не могут вечно сидеть на месте. «А до каких же пор сидеть здесь? Надо работать. Тут хоть сто лет сиди — не высидишь ничего» [1, с. 286], — говорит товарищам по несчастью Губернатор. Поэтому беженцы постепенно, один за другим делают попытки поймать ритм бега жизни. Так, Камер-юнкер устраивается в Красный Крест и покидает барак. Вслед за ним собирается уезжать Губернатор: он получил

в константинопольском ресторане место актера. Не сидят без дела Прокурор и Помощник: они торгуют в буфете, плетут гамаки, планируют завести фотоателье. Эти герои поняли, что жизнь идет дальше, а бесконечное сиденье на месте ни к чему хорошему не приведет. Этот бег жизни и заставляет их самих начать движение.

Чувства людей тоже не могут замереть даже после расставания с Родиной. Наоборот, именно в эмиграции Нина Александровна наконец нашла свою настоящую любовь, у нее появился смысл жизни. Теперь она стала «другая», как замечает ее уже бывший муж Эргардт. Женщина думает о будущем, о начале новой жизни, которая теперь будет для нее более счастливой. Она и Эргардту желает продолжать жизнь без нее, найти себе новую любовь. Нина Александровна уже все решила, ее жизнь продолжается в новом направлении.

Раз жизнь не статична, значит, имеет место и смена событий. О глобальных изменениях, происходящих в России и Европе, в лагерях беженцев в пьесе ничего не сказано. Но и тех событий, которые разворачиваются на глазах зрителей, вполне достаточно для того, чтобы создалось ощущение хотя бы незначительного движения. Это ссоры из-за пайка, приготовление пищи, рассуждения о прошлом и будущем, подготовка к празднику, собрания и споры в буфете. Наконец это возникновение чувств между Художником и Ниной Александровной, их тайные встречи в ее уголке за занавеской. Все эти дела создают обычное движение ежедневной рутины беженцев. И только появление капитана Эргардта на рождественском празднике, ставшее неожиданностью для собравшихся, слегка расстраивает царившую идиллию. Это, в свою очередь, приводит к возникновению новой цепочки событий.

Возможно, менее заметной, но весьма значимой составляющей мотива *бега* в пьесе является бег героев в себя. По мнению С. Я. Гончаровой-Грабовской, это «бег от суровой действительности во внутренний мир, чтобы осмыслить произошедшее в *не-России*, где боль утраченного ощутима более остро» [2, с. 91]. Герои пьесы часто вспоминают свою прошлую жизнь, рассуждают о революции, ищут причины произошедшего. Каждый из них несет в себе трагедию потери Родины. Возможно, только теперь, вдалеке от нее, они осознали, насколько она была им дорога, и теперь каждый из них пытается внутри себя найти те нити, которые еще связывают его с далекой Россией. Теперь только память может помочь эмигрантам перенестись на Родину, вернуться в прошлое. Воспоминания, к которым они раз за разом возвращаются, дают им возможность сбежать от безрадостной действительности, хоть на время оказаться дома.

Как уже говорилось выше, некоторые герои пьесы не собираются сидеть на месте в лагере беженцев. Это представляется еще одной стороной мотива *бега*: люди двигаются в поисках нового места, новых средств к существованию. Это своеобразный «бег» от прошлого в будущее. Губернатор, Камер-юнкер, Нина Александровна оставляют позади свои прежние должности, свое положение, прежние планы на жизнь и устремляются дальше. Они все еще тоскуют по Родине, но теперь она является их далеким прошлым. А настоящее – это своеобразный переломный момент в их судьбах, когда они должны решить, что делать: оставаться в лагере и ждать чего-то или двигаться, начать что-то делать для своей жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что мотив *бега* в пьесе И. Сургучева «Реки вавилонские» полисемантичен. Это и исход героев из России, их эмиграция. Это и «бег» жизни, смена событий. Это «бег» героев от реальности в свой внутренний мир, бег к выбору смерти. И наконец, это устремление некоторых героев пьесы в будущее в поисках нового места жизни, средств к существованию.

В пьесе «Реки вавилонские» важное место занимают мотивы *вины* и *ответственности*. Но в трактовке данных мотивов автор не ограничивается вопросами революции, поиска виновных. В отношении данных мотивов целесообразно рассматривать и некоторые вопросы религиозного, нравственного и философского характера, затрагиваемые в произведении.

Герои пьесы считают, что произошедшее пойдет на пользу стране. Они осуждают российскую интеллигенцию, купцов, попов, дворян, одобряют то, что представителей этих классов (то есть их самих) выгнали из страны. Звучат серьезные обвинения в адрес правящих и богатейших сословий. Эмигранты перебирают пороки России, принимая то, что не все, оказывается, было так прекрасно в их стране. И после принятия этой правды появляется важный вывод: «Оно, господа, если руку на сердце положить, то большевики, конечно, мразь, – но они много правильного сотворили... Много!» [1, с. 265]. Таким образом, драма раскрывает раскаяние людей, не отрицающих своей вины в произошедшем. С. Я. Гончарова-Грабовская считает, что «революция воспринимается ими как катарсис, как очищающее душу страдание» [2, с. 93]: «Нужно было мученичеством очиститься, чтобы опять Христа достойным быть» [1, с. 264].

Еще одной стороной мотивов *вины* и *ответственности* становится их библейское осмысление. Апостол Петр за одну ночь трижды отрекается от Христа. Так же поступает и Нина Александровна: жена капитана Эргардта трижды отрекается от своего мужа. Этим И. Сургучев намерен показать нам не просто бывшего белого офицера, которого бросила неверная супруга, а человека-мученика. Капитан много грешил в своей жизни: убивал,

крал, завидовал, обманывал женщин, таил зло на людей. Но теперь его помыслы чисты, он простил жене измену, раскаялся в содеянном и хочет исповедаться. И с этой целью он приходит не в церковь, а к семнадцатилетней Милочке. И она берет на себя грехи этого человека, обещает ему отмолить их. Эмиграция не стала для капитана точкой невозврата. Наоборот, она открыла для него путь к духовному воскрешению. Его самоубийство стало всего лишь концом его земной жизни. Это момент ее перехода в новое качество. Именно поэтому молитву обновленного Эргардта можно трактовать в духе буддистской реинкарнации.

Мотив *ответственности* можно рассматривать и с точки зрения ответственности за первородный грех. Как уже отмечалось выше, автор сравнивает своих героев с грешниками, которых Бог изгнал из рая. Именно «знание», по мнению И. Сургучева, стало причиной произошедших событий. А Октябрьская революция является жестокой расплатой за грех познания. Люди оторвались от настоящей истины, нравственных принципов человеческого существования. Теперь же они обязаны признать свою вину, взять на себя ответственность за то, что потеряли связь с этими вечными принципами. Люди должны пройти через испытания, искупить свой грех, чтобы снова быть достойными спокойствия, благополучия. Чтобы снова быть достойными Христа и рая.

Через слова гелюна И. Сургучев утверждает мысль о том, что все несут одинаковую ответственность за все, что произошло: «Твой Бог, мой Бог – все равно. Твоя живет на свете, моя живет на свете. Твой поп мал-мал кричит молитву, мой поп мал-мал молчит молитву. Твоя молитва Бог слышит ухом, моя молитва Бог видит глазом» [1, с. 282]. Таким образом, утверждается единство истины, к которой каждый идет своим путем, и подчеркивается равенство всех людей перед Богом. Слова гелюна подталкивают к пониманию мысли о всепрощении, всепримирении, ведь все люди несут одинаковую ответственность перед высшими силами.

Таким образом, можно заключить, что И. Сургучев дает религиозную, нравственную, философскую трактовки мотивам *бега*, *вины* и *ответственности*. Это свидетельствует о том, что автор стремился осмыслить причину революции, познать ее механизмы, которые, в свою очередь, послужили причиной эмиграции.

Основываясь на мотивной структуре пьесы «Реки вавилонские», можно сделать вывод, что автор не видел дальнейшего пути развития общества, поэтому, будучи верующим человеком, пытался найти ответы на свои вопросы в Библии. И именно эта важная для человечества книга должна была

помочь ему осмыслить все произошедшее. Так И. Сургучев пришел к трактовке произошедших кровавых событий в своей стране и последующей за ними вынужденной эмиграции как ветхозаветных «рек вавилонских».

Библиографические ссылки

1. Сургучев И. Д. Реки вавилонские / И. Д. Сургучев // Литература русского зарубежья : антология : в 6 т. / Сост. В. В. Лавров. М., 1990. Т. 1, кн. 1. – С. 255–290.
2. Гончарова-Грабовская С. Я. И. Сургучев и М. Булгаков (мотивы «бега», «вины» и «ответственности») / С. Я. Гончарова-Грабовская // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века : материалы междунар. науч. конф., Саратов, 10–12 октября 2017 г. / Гос. музей К. А. Федина, Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского ; отв. ред. и сост. Кабанова И. Э. Саратов, 2018. С. 91–99.